Потоп Михайлович (Иван Годинович)

Не черен-то ворон в поле вылетуват,
Не ясен-то сокол выпархиват,
Выезжает-то Сухан, сын Домантьевич.
Под ним доброй-от конь, аки лютой зверь,
На коне-то он сидит, как сизой орэл.
Его ясныя очи, как у сокола,
Его черныя брови, как два соболя,
Его буйная глава, как пивной котел.
Приезжает-то Сухан в стольной Киев град,
Перескакиват заплот он, железной тын,
Ни к чему-то он коня не привязыват,
Никому-то он коня не приказыват.
Приворотникам Сухан не сказывал,
У придверников Сухан, братцы, не спрашивал.
Открывает он у грини двери на пяту,
Закрывает-то у грини двери накрепко.
Он крест-от кладет по-ученому,
Он поклон отдает по-писаному,
Он кланяется на все четыре стороны,
Он князю со княгинею на особицу.
Принимали-то Сухана с честью с радостью,
Ну садили Сухана-то вопеpед за стол,
Ну вперед его за стол хлеба кушати.
Тут спроговорил наш солнушко Врадимир князь:
«Где ты, Сухан, был, еще где ты побувал?»
«Еще булл я во далече во чистом поле,
Еще далее того за сине море,
Еще булл я у Захара у Макарьевича,
Еще видел я душечку Лебедушку Захарьевну,
На бело она бела, как и белой снег,
Ея ясныя очи, как у сокола,
Ея черныя брови, как два соболя,
Ея черныя рестницы до полубела лица!»
Тут сидел-от наш Потоп сын Михайлович,
Из-за дубова стола он повыскочил.

И стал он на резвыя на ноженьки,
И на те же на сапожки на зелен софьян,
И кланятся он солнушку Врадимиру:
«Ах ты гей еси, солнушко Врадимир князь!
Ах ты булл-то мне родной дяденька,
А теперь-от будь мне родной батюшка!
Ты позволь мне споженитися,
На душечке Лебедушке Захарьевне!»
Тут спроговорил солнушко Врадимир князь:
«Ты возьми моих сто стрельцов,
Ты возьми моих сто кулачных бойцов!»
«А не надобе твоих сто стрельцов,
А не надо твоих сто кулачных бойцов!
А вы дайте мне Добрынюшку Микитьевича,
А вы дайте Сухана сына Домантьевича,
А вы дайте Алешеньку Поповича!»
Еще долго богатыри не думали,
Ну поездку-то держали во чисто поле.
На (в)стречу им калига перехожая,
Перехожая калига, переезжая.
Тут спроговорил Добрыня Микитьевич:
«Ах, калига ты, калига перехожая,
Перехожая ты калига, переезжая!
Скидывай ты свое платьице колицкое,
Надевай ты мое платье богатырское!»
А в ту пору калига заспиралася.
Соскакувал Добрыня со добра коня,
Хватал ту калигу за честны кудри,
Бросал-то калигу об сыру землю.
Еще тут-то калига не пошатнулася.
Ну хватала-те калига Добрынюшку,
Ну бросала-то Добрыню о сыру землю,
Еще все костье суставчики повыставила.
Тут спроговорил Сухан сын Домантьевич:
«Скидавай свое ты платьице калицкое,
Надевай мое платье богатырское!»
Соскакувал Сухан со добра коня,
Хватал-то калигу за честны кудри,
Бросал-то калигу об сыру землю.

Еще в ту пору калига не пошатнулася,
Хватала-то калига Сухана-то она,
Хватала-то Сухана на круту бедру,
Бросала Сухана об сыру землю,
Еще все костье суставчики повыставила.
Тут соскакувал Потоп-от Михайлович,
Хватал-то калигу за честны кудри,
Бросал-то калигу об сыру землю,
Уж так ии разболок, как и мать родила...
. . . . . .
Ну долго богатыри не думали,
Поездку держали во чисто поле,
Приезжают они Захарью Макарьевичу,
Разоставили шатры-те белы полотняны.
Тут спроговорил-то Потоп Михайлович,
Посылает он Добрыню Микитьевича,
Посылает он Сухана сына Домантьевича,
Посылает он Алешеньку Поповича,
На душечке Лебедушке-то свататься.
Тут спроговорил Захар Макарьевич:
«Моя душечка Лебедушка просватана,
За того же за Кошеля[1] за Трепетаго!»
Тут спроговорил Алешенька Попович млад:
«А ты честно не дашь, мы не честно возьмем!»
Ну хватал-то Алеша за праву руку,
Ну хватал-то Добрыня за леву руку,
Отступает-то Захар сын Макарьевич.
Ну долго богатыри не думали,
Поездку держали во чисто поле.
. . . . . .
Поехали. На далико (?) стало их место, он останавливатся.
Посылает он Добрыню Микитьевича,
Посылает он Сухана сына Домантьевича,
Посылает он Алешеньку Поповича:
«По утру меня встречали бу с невестою!»
Налетел тут Кошель Трепетой
На Потопа на соннаго налетел, а невеста тоже богатырица;
Потопа, его одолили, приковали чумбурами железными.
Вынимал Кошель Трепетой его тугой лук

Накладувать-то он калену стрелу,
И стреляет-то в Потопа Михайловича.
Тут сказала-то душечка Лебедушка,
Душечка Лебедушка Захарьевна:
«Не стреляй ты Потопа Михайловича,
Богатырская стрела не путем идет!»
Не послушался Кошель душечку Лебедушку,
Ну стрелял-то он в Потопа Михайловича,
Обрубал-то все чумбуры железные.
Тот опростался.
Поимал он свою саблю, саблю вострую,
Изрубил-то он Кошеля Трепетаго
И ии (в)месте.
И приезжает он один без невесте.
Тут спроговорил-то Алешенька Попович млад:
«Здорово ли вам жениться, только не с кем стать![2]»

Записана от мещанина Михайла Соковикова, прозвищем Кулдаря, весною 1895 г. в области Нижней Колымы, в деревне Коретовой г. Богомазом. «Новые записи былин в Якутской области». В. Ф. Миллера. И. о. р. я. и. с. И. А. Н. т. V, к. 1, стр. 50.

1 Кошель – Кощей.
2 Следует: спать.